

Кусочек паутины для Марии Ароновой

Культура. 1999. 18-24 ноября. С. 12

Фото Н.САМОЙЛОВА

Театральные критики заметили молодую актрису еще на дипломном спектакле в Щукинском училище. Мария АРОНОВА так интересно сыграла Екатерину Вторую в "Царской охоте", что сразу несколько газет отозвалось хвалебными рецензиями. Выпускницу позвали в Театр имени Вахтангова — ее Проня из спектакля "За двумя зайцами" заставила смеяться и рыдать всю театральную Москву. С тех пор Аронову считают исключительно талантливой и исключительно комедийной актрисой.

— Мария, вам не надоедает играть комедийные роли?

— Очень хочу сыграть драматические роли, настоящие. Наверное, не пришло время. Я уже во все колокола била и говорила, что мне нравилось работать над Екатериной Второй. Если бы этот спектакль пошел на Большой сцене, это был бы самый большой подарок судьбы!

— Вы попали в Вахтанговский театр совсем молодой, на втором курсе. Тяжело было пробыть "в большие актрисы"?

— У меня за спиной стоял институт. При неудачах в театре я бежала в "детскую" — в училище, где меня любили. Недавно заходила туда, высочила девочка, и я подумала: "Боже мой! Она любима". Это потрясающее ощущение училищное. И очень важно, чтобы люди, которые наплели уже себе паутинку в театре, хоть кусочек малышам отдали.

— Неужели так бывает?

— В вахтанговском театре — бывает. Во мне очень принимали участие. Я благодарна Людмиле Макаковой, Юлии Борисовой. Ульянов для меня папа родной. Из молодого поколения меня невольно подстегнула Юлия Рутберг. У меня

была страшная депрессия, и у нее то же самое. Но она репетировала "Пиковую даму", как оловянный солдатик. Почему я-то все время плачу? — подумала я и начала работать.

— Судьба молодой актрисы, недавней выпускницы, представляется почти безоблачной...

— Нет, конечно, молодым очень тяжело бывает. Первые два-три года очень суровые. Надо продержаться, надо засунуть куда подальше свою гордость, свое самолюбие. Надо работать, смотреть, как работают старики, пытаться что-то ухватить, предлагаться. Нельзя говорить: "Все равно ничего не получится". Недавно я ехала в такси с одним дядечкой. У него очень больна жена, он хочет увезти ее в Израиль, но не знает как. А я спросила: "Что вы пробовали? Что вы делали, чтобы сказать: "Все! Ничего не получается"? Обивали пороги, искали-заполняли все эти анкеты? Нет?!". У меня тоже такие проблемы, например, с квартирой: я всю жизнь живу в Долгопрудном и мечтаю переехать в Москву. Но я же надеюсь!

— Бытовые неурядицы, наверное, мешают служить высокому искусству?

— Ты можешь быть без денег — только ребенок накормлен, у тебя нет машины — едешь в набитой электричке, ты живешь в Долгопрудном — а хочется в центре Москвы... Можно массу найти проблем в моей жизни. Но я выхожу на площадку — и мне ничего в этот момент не нужно!

— Вы родили ребенка на первом курсе Щукинского училища. Стать матерью решится не каждая состоявшаяся актриса, не то что студентка-первокурсница...

— Да, прорваться в училище с бешеным конкурсом и тут же влюбиться — это только я могу. Но... Ребенок дан Богом, да еще первенец. Как я могла от него отказаться? На помощь мужа не рассчитывала — только на себя. Моя семья всегда жила бедно, и я не рыдала ночами: "Как же ребенка кормить? Во что одеть?". Справлюсь — и накормлю, и одену.

— С таким сильным характером нужен ли еще мужчина рядом?

— Без любви, без очага, без мужчины, который ждет тебя после спектакля, жизнь однобока. Я полюбила одиночества. Я поняла, какво приезжать в холодные стены, когда сил на обговоривание этих стен просто нету! Я знаю, что такое мать-одиночка. Когда появился Женя, мой супруг, это был такой подарок судьбы! Сейчас я приезжаю домой, меня ждет горячий ужин, бегают эти безумные собаки, попугаи, коты, и мой ребенок уложен спать.

Вообще-то быт для меня много значит: я — Крыса по гороскопу, для меня очень важна норка. Но я не умею копить. У меня есть дела

интереснее, чем покупать телевизоры и стиральные машины. Спасибо сериалу "Клубничка", он дал мне заработать. Съёмки продолжались год, меня даже стали на улице узнавать.

— Любовь зрителей — это одно, дожидаться признания коллег труднее. Вас же за роль Прони в "За двумя зайцами" наградили "Хрустальной Турандот". А вам самой какие роли ближе всех?

— Так нельзя говорить. Любые роли — все равно детишки. Это то же самое, что прийти к матери-героине и спросить: "Какой у вас самый любимый мальчик?" Не может артист сказать: "Да, эта роль не совсем удачная..." Ну и как он играть после этого будет?

— Поклонникам вашего таланта приходится ждать очередную премьеру довольно долго. Вы медленнее работаете?

— Да. Я думаю, это мой непрофессионализм: не умею рожать две-три роли одновременно. Репетируя, обдумывая образ, я вываливаю свое нутро.

— Не всякий режиссер требует обнажать душу. Например, ваша роль у Мирзоева в "Амфитрионе" — это скорее форма, чем нутро.

— Мирзоев — очень интересный режиссер. Но не мой. Мы честно договорились: моя роль — кастрированная. Вот стирки, побои мужа — это мое. А мирзоевские заморочки: потусторонние миры, пластмассовые руки на палочках, непонятные жесты пальцами — как ножницами, меня не касаются. Может, я не выросла еще. Может, в шестьдесят лет я скажу: "Боже, да как же он был прав!". И скорее

всего так случится. Максим Суханов понимает, чего хочет Мирзоев, иначе он бы не смог сыграть эти роли, их невозможно показать — просто так, как марионетка.

— С Александром Горбанем вы друг друга понимаете? Он поставил "За двумя зайцами", у него же вы репетируете новый спектакль — "Левшу".

— Горбань — сумасшедший, безумец. Он может разбудить в три часа ночи и рассказывать, что он только что придумал. Я обожаю таких людей. Но с Сашей трудно работать: он — великолепный постановщик, но не педагог. Он ждет, какие идеи подбросят актеры, а иногда хочется, чтобы тебе что-нибудь подбросили. Зато он не мешает пробовать. Бывают режиссеры-деспоты: "Встань здесь, ни шагу в сторону, и говори вот так". Саша всегда посмотрит твои варианты, обсудит их и выберет лучший.

— Некоторые актеры говорят, что на сцене забывают о публике, так они глубоко погружаются в роль. А вы следите за залом?

— Может, кто-то и играет в комедии, ничего не чувствуя. Я вижу, когда зал хорошо настроен, когда нет. Бывает такое напряжение — прямо стена между сценой и зрителем. И вот начинаешь потихоньку ее разрушать.

— Получается?

— Иногда нет. Как будто накупила продуктов, наготовила, выходишь со своими пирогами: "Нате, ешьте!". А в тебя ими обратно кидаются...

Беседу вела
Галина КАСЬЯНИКОВА